

ТАТЬЯНА БОГАТЫРЕВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ИМЕНИ ПЯТНИЦЫ, 13
ЧУВСТВО ЕЖА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Разработка серийного оформления
В. Матвеевой

Иллюстрация на переплете *Е. Соловьевой*

Богатырева, Татьяна Юрьевна.

Б73 Высшая школа имени Пятницы, 13. Чувство ежа / Татьяна Богатырева, Евгения Соловьева. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-699-97325-5

Не трогайте музейные экспонаты, о которых ходят страшные легенды, — эти легенды могут оказаться правдой! А уж если привлекли внимание бессмертного, бегите как можно дальше и прячьтесь! К примеру, в учебном заведении, которого нет ни на одной карте мира.

Вы готовы учиться видеть невидимое, читать в душах и проходить практику на Той стороне? Влюбляться и ненавидеть, спасать друзей и разоблачать врагов? Играть со Смертью в догонялки, не надеясь на помощь папы-дракона, и встретиться со своей Судьбой? Тогда Высшая школа им. Пятницы, 13 ждет вас!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97325-5

© Богатырева Т.Ю., Соловьева Е.С., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Свет фонарика метнулся по музейному залу, остановился на витрине с древним фолиантом, скользнул влево — и пугливо погас, наткнувшись на что-то...

Здесь кто-то есть?

Виола замерла в устье потайного хода, прижимая фонарик к груди. Сердце колотилось как бешеное, в слабом лунном свете едва угадывались контуры рыцарских доспехов.

Уф... просто доспехи, не привидение. И не охрана. Досадно было бы попасться именно сегодня, в свой шестнадцатый день рождения.

Снова включив фонарик, Виола на цыпочках подошла к простенку, где висела она. Ее сегодняшняя добыча. И протянула руку, не решаясь дотронуться.

«...находили на следующее утро мертвыми, с гримасой ужаса на лицах и с руками, стертыми в кровь. Последний, кто посмел прикоснуться к ней, похоронен за оградой церкви, как самоубийца...»

Значит, я умру ужасной смертью завтра утром? Ну-ну. Посмотрим на тебя, ужасная смерть.

Хмыкнув, Виола сняла со стены гитару. Изумительную, покрытую резьбой, по легенде — работы чуть ли

не самого Бенвенуто Челлини¹. На эту гитару Виола засматривалась уже года три, с тех самых пор, как слышала звук такого же старинного инструмента. Но брать что-то из музея отец категорически запрещал, и Виола даже не просила — знала, что откажет.

Хотя почему — не понимала. Ведь ничего с гитарой не случится, если Виола немного на ней поиграет! Даже выносить отсюда не будет, она же не воришка.

Просто сядет вот в это кресло, настроит...

Она тронула струны и мечтательно улыбнулась: гитара звучала просто божественно! Немного расстроена, но это такие мелочи! Она, бедняжка, уже лет пятьдесят висит в этом музее, никто на ней не играет, только мсье Ученый Моль каждый четверг рассказывает туристам страшные байки, а туристы ахают, охают и пытаются тайком сфотографировать экспонаты на телефон.

Скука смертная.

Но ничего, сейчас мы еще на четверть тона подтянем колок, и ты снова оживешь, моя прелес-с-ть!

Виола тихо засмеялась и взяла первый аккорд. Пожалуй, в честь знакомства с гитарой она сыграет павану «На смерть инфанты» Форе², как раз подо-

¹ Бенвенуто Челлини (итал. Benvenuto Cellini; 3 ноября 1500, Флоренция, — 13 февраля 1571, Флоренция) — многогранная личность редкого таланта и еще более редкой скромности, о чем свидетельствуют его собственные мемуары. Родился в семье мастера музыкальных инструментов, прославился как ювелир и скульптор. Ни об одном музыкальном инструменте его работы официальной истории не известно. — *Прим. авт.*

² Видимо, Виола имеет в виду вольное переложение для гитары.

дит к случаю. Ей же грозит ужасная смерть от рук, а может быть, и клыков таинственного маньяка...

Как, должно быть, ему скучно годами ждать, когда же кто-то коснется гитары и можно будет снова вылезти из могилы и заняться делом! Любимым делом, наверное.

Слышишь, маньяк? Я уже играю! А как звучит! Бог мой, как она звучит!..

Виола искоса глянула на дверь, откуда должна была явиться таинственная смерть. Ну, если верить легенде о проклятии.

Но дверь так и осталась закрытой, никто не явился, даже самый заваливающий призрак. Зря мсье Ученый Моль клялся, что замок в Лиможе¹ просто кишит привидениями. Нет здесь ничего сверхъестественного, кроме волшебного торта «Эстерхазы», который готовят на замковой кухне. Уже готовят, ведь утром — ее день рождения. Вот бы отец подарил ей эту гитару!

Она так явственно себе представила, как разрезает ленточку на коробке, разворачивает хрустящую бумагу и вынимает гитару, что совершенно не заметила, как в зале кто-то появился.

На подоконнике открытого окна, которое всегда было заперто.

¹ История утверждает, что замок в Лиможе (Франция) построен в XII веке, а его обитатели периодически умирали насильственной смертью при весьма трагических и загадочных обстоятельствах. Есть вероятность, что мсье Ученый Моль прав, а привидения всего лишь не желают показываться на глаза слишком активной и любопытной девочке, ибо предпочитают пугать тех, кто пугается, а не поливает их «святой» водой из бутылки с надписью «Кола». — *Прим. авт.*

На третьем этаже.

Виола замерла, прижав к себе гитару, и попыталась слиться с креслом. Получится же, наверняка получится, наверняка ее не заметят в темноте!

Ведь это не может быть маньяк из проклятия, правда? Ведь легенды — это всего лишь легенды, и на самом деле не бывает¹...

Незнакомец спрыгнул на пол. Без единого звука, даже шороха. Как в телевизоре с выключенным звуком.

Сделал шаг, второй — к Виоле.

Она затаила дыхание, чувствуя себя кроликом перед удавом и опасаясь отвести от незнакомца взгляд хоть на миг. Ведь это глюк, правда же? На окне сигнализация, никто не может сюда забраться! И в парке — волки, они бы не пропустили чужака!

Папа, папа, мне страшно!

Можно я проснусь? Я не хочу смотреть дальше!

Виола внезапно поймала себя на том, что почему-то отлично видит в темноте. И даже, кажется, узнает его — страшного незнакомца. Она уже видела этот безупречно элегантный светлый костюм, эти идеально уложенные черные волосы, выразительный нос и холодные, прозрачные, мертвые глаза.

Но где?

Почему-то показалось, что если она вспомнит, то ужасное наваждение рассеется.

А знакомый незнакомец вдруг оказался совсем близко, искривил рот в неестественной гримасе — то ли злобной, то ли презрительной.

¹ Мсье Ученый Моль бы не согласился с мадемуазель Виолой, но кто ж его слушал! — *Прим. авт.*

Да, она точно его знает, и надо только назвать его по имени... по имени... она должна вспомнить его имя!..

Но вспомнить Виола не успела. Только закричать, тонко и пронзительно, срывая голос:

— Нет! Па!.. — когда незнакомец прыгнул к ней, вырвал из ее рук гитару, замахнулся...

Боли она тоже почувствовать не успела. Только удивление. И — вспышку чего-то не похожего ни на свет, ни на тьму... Ни на что не похожего.

А потом, как-то сразу, в зале оказался отец. Вылетел из стены, которая за клубилась туманом и разошлась, остановился напротив... Только смотрел не на нее, а куда-то ниже. Кажется, на этого... маньяка. А маньяк держал, как-то очень неудобно и неловко, нескладную девчонку в пижаме. Кажется, она не дышала...

Да ведь это же я! Это меня он держит, одной рукой обхватил затылок, другой подбородок, и держит! И моя гитара... обломки гитары рядом! А в руке отца пистолет, и сам он... ой, мама... почему у него глаза светятся красным? И почему он такой большой, словно едва умещается в зале, и у него тень с крыльями?.. Очень странное видение!

— Отпусти ее, ублюдок, — прорычал отец.

В самом деле прорычал, даже стекла задрожали. И почему-то в воздухе заплясали искры и явственно запахло паленым.

Но отец не прав, не надо маньяка называть ублюдком, надо — по имени. Сеньором Кановой. Вот теперь Виола совершенно точно вспомнила, где и когда его встретила. Год назад, в Париже, на мюзикле «Нотр-Дам». Он еще тогда не поверил, что

Виола — дочь своего отца. И произносил их фамилию неправильно.

А сеньор Канова вовсе не испугался. Наверное, не видел тени с крыльями — это только ее глюк. Личный.

Он сдул падающую на глаза прядь и растянул губы в улыбке. Тоже какой-то неправильной. Наверное, потому, что у сеньора Кановы были очень острые зубы, как у рыбы. И глаза — как стекло, блестящие и неживые.

— Поклянешься не удерживать меня и не причинять вреда — отпущу.

И голос был странным. Виола помнила — приятный был голос, бархатный и глубокий. А сейчас звучал резко и пусто, как эхо в заброшенном доме.

— Если ты отпустишь ее прямо сейчас, живой, и поклянешься своей душой и жизнью никогда больше не трогать — сможешь уйти, — сказал отец; в его голосе слышались раскаты грома. — Тогда и я поклянусь, что ни я, ни мои вассалы не тронем тебя.

Вместо ответа сеньор Канова отрывисто засмеялся.

— Душой? Да запросто!.. — Смех резко перешел во всхлип, из стеклянных глаз потекли слезы. — Душой и жизнью, видит Господь, клянусь не причинять вреда твоей девчонке! Сдалась она мне! И да провалишься ты в ад..

Он толкнул безвольное тело прямо в руки отцу, отбросил обломки гитары и тенью вскочил на подоконник. И прыгнул — не вниз, а вверх, растворяясь в лунном свете.

И только тогда замок ожил. Разочарованно заскрипел дверьми, внизу, в парке, злобно завыли.

Противно запищала сигнализация. Словно проснулась.

А на пороге возник старый Франсуа, виновато комкая колпак и искоса глядя на отца. Тяжело вздохнул.

— Что стоишь? Неси спирт и бинты, зови...

Отец не договорил — Франсуа уже исчез. И крылатая тень исчезла. Все стало как обычно, только свое тело Виола по-прежнему видела сверху и со стороны.

Но ведь она не умерла, нет? Иначе бы отец не требовал бинтов! Нет, ей слишком рано умирать, ей всего шестнадцать! Она вообще не хочет умирать!

— Все будет хорошо, моя девочка, — шепнул отец и поцеловал ее в висок.

А потом подошел к стене... Не к двери, а к стене, завешенной гобеленом с изображением умирающего Роланда, и шагнул в нее. В стену. Прямо в стену! И прошел, между прочим, насквозь, прямо в Виолину комнату! То есть с третьего этажа на второй, и в противоположное крыло замка!

Как в фильме «Чародеи» — они с мамой смотрели его каждый Новый год, даже если встречали его не в Москве.

— Мсье Жан, что случилось? — раздался взволнованный голос Рашель, домашнего доктора.

Она уже ждала в комнате, у свежей постели, и шагнула отцу навстречу, словно это нормально — выходить из стены, а не из двери.

И словно это нормально — ходить на хвосте. Рыбьем. И заплетать водоросли в косы.

Виола мысленно вздохнула, смирившись с очень, очень странными видениями. Просто это бред. От удара по голове бывает. Вот и Рауль просунул в

дверь мохнатую морду, прижимает уши, словно он и не волк, а обычная дворняга. И на чистом французском виновато басит: «Не уследили, виноваты, примем любое наказание, мессир».

Кино! Вот и Франсуа в своем неизменном красном колпачке как-то подозрительно похож на домашнего эльфа Добби, так же горестно хлюпает носом, разве что головой об стенку не стучится. Только Дамблдора с совой не хватает¹.

А потом куда-то исчезла легкость, стало темно, и голова, кажется, раскололась на много-много кусочков, и каждый кусочек болел отдельно.

И совсем рядом кто-то звенел чем-то стеклянным и противно пахнущим. Доктор Рашель, наверное?

— У мадемуазель шок, мессир. Сотрясение легкое, рана неглубокая, но вот психическая травма...

— Мою дочь психическими травмами не взять. Не волнуйся, Рашель. Иди пока, успокой всех, скажи, что с девочкой все будет в порядке.

Послышались тихие легкие шаги, потом дверь закрылась. А на кровать к Виоле сели, погладили ее по руке. Вздохнули.

Очень хотелось сказать папе, что все уже хорошо, она жива и больше не будет связываться с ма-

¹ Мсье Ученый Моль весьма расстраивался, когда мадемуазель Виола вместо древних, крайне редких и невероятно ценных с исторической точки зрения книг из замковой библиотеки читала Джоан Роулинг, а потом крала из музея старинный маршалский жезл и размахивала им перед носом мсье Ученого Моля, выкрикивая: «Авада Кедавра!» К сожалению, ему не удалось привить мадемуазель более серьезного отношения к магическим заклинаниям и артефактам. — *Прим. авт.*

ньяками и проклятыми экспонатами, но язык не слушался.

Ну и ладно, потом можно сказать, а пока — спать. Ночью надо спать. И проснуться в своей постели, забыв страшный сон про сеньора Канову как страшный сон...

Совсем уснуть Виоле помешал звук набираемого на мобильнике номера, а потом незнакомый женский голос из папиной трубки:

— Мсье Жан?

— Да, мадемуазель Феличе, это я, — тихо ответил отец.

— Неужели вы решились пригласить меня на ваш маленький праздник? — на том конце линии насмешливо хмыкнули.

— Праздник не состоится, так что я даже не прошу прощения за недостаток галантности.

— Ах уж эти французы... Переходите к делу, мсье Жан. Ни за что не поверю, что вы звоните мне через столько лет исключительно ради удовольствия слышать мой прекрасный голос.

— Вы, как всегда, образчик проницательности, мадемуазель Феличе. У меня к вам просьба. Очень серьезная просьба, и мне нужно обещание, что о ней никто не узнает.

На том конце линии помолчали несколько мгновений и совсем другим тоном ответили:

— Обещаю. И сделаю все, что в моих силах, мсье Жан.

Что дальше сказал отец, Виола уже не слышала — она все же уснула, и ей снился день рождения и самый лучший на свете подарок: гитара работы старого итальянского мастера.

Глава 1,

*в которой дракон заходит на посадку перед школой,
а мафия распределяет роли*

Война началась ровно в девять утра первого сентября. Именно тогда десятому «А» и лично его величеству Дону объявили, что с первого курса высшей ступени их — элитный, гуманитарный класс! — объединяют с классом «Б». Спортивным. Пролетарским.

Не то чтобы Дон имел что-то против пролетариев — под его чутким руководством и пролетарий мог бы произойти в человека, но ведь это был класс поцанов!¹

Видимо, что-то такое особенное отразилось на его лице, потому что классная нахмурилась и окликнула:

— Господин Горский! — И ткнула указкой в сторону вождя пролетариата, Миши Поца. — Извольте поздороваться с однокурсниками!

Демонстративно посмотревшись в собственные зеркально-лаковые ботинки и понюхав розовый бутон в петлице, Дон со светской улыбочкой протя-

¹ Дон в курсе, что «пацаны» пишутся через «а», и прекрасно осознает разницу между «пацанами» вообще и «поцанами» в частности. — *Прим. авт.*

нул руку Поцу. И тут же смерил его взглядом: начал с голубого берета на шатенистой, причесанной на прямой пробор башке, и закончил плохо почищенными армейскими берцами.

— Рад вас приветствовать в моем классе, господин Поц... э... Шпильман.

Поц гнусно ухмыльнулся и, бормоча что-то типа вежливое насчет «поглядим еще, чей класс», протянул граблю в ответ и сжал. Со всей дури. Грабля была мытая по случаю первого сентября, но с траурными каемками под ногтями и набитыми косячками. Развлекался все лето, пролетарий.

Дон ухмыляться, тем более гнусно, не стал, неместно нашему величеству. И поцову граблю сжал несильно, но правильно — как Сенсей учил. Что, Поц, все еще думаешь, что художник — это сопля, которую можно и нужно намотать на гусеницы? Ну-ну.

Поц слегка сбледнул, что несомненно его украсило.

Дон улыбнулся:

— Надеюсь, мы будем жить дружно в моем классе.

Поц смолчал, только прищурился.

Дон сжал руку чуть сильнее и улыбнулся еще приветливее. Мол, так будем жить дружно?

Поц наконец кивнул и выдал из себя кривую улыбочку. Обещающую такую. Танки и ковровые бомбардировки обещающую.

Что ж. Когда на летних экзаменах при переходе из средней школы в высшую, она же колледж¹, вы-

¹ ВШ №13 — спецшкола полного цикла, примерно как капелла имени Свешникова. Здесь вместо 10–11-х классов —